

сундуком, но ни за что не хотёл просить прощения. С Наташкой они то играют, то дерутся, а через полчаса снова забывают о ссоре.

Реже стали отскакивать от стены Бубины гальки. Он шуршал за сараем, запутавшись в кустах. Охнул — видимо, о что-то ударился. Засыпая, я подумал, что на всю ночь у него не хватит галек.

Проснулся я от щелчка в ноздрю. Открыл глаза и долго не мог понять, где я. В щели струились тонкие солнечные лучи. Они пронзали полумрак сарая, как лёгкие шпаги. За дверью возился Буба — он просунул в щёлку пикан и плевался жёваными бумажными шариками. Я подкрался к двери и, распахнув её, схватил его за шиворот. Он зажмурился и присел, ожидая тумака.

Выбежала Наташка, голопузая, в красных своих трусишках. Она ещё не проснулась и протирала кулачками глаза. Спутанные волосы торчали у неё, будто рожки.

— Вы как играете? — спросила она.

— В «кто кого переупрямит», — вздохнул я и отпустил Бубу.

— Пойдём карасиков кормить, — позвала его Наташка.

Он несмело посмотрел на меня и достал из кармана баночку с червяками.

— Больше пяти червяков не давайте, — сказал я, и они побежали в дом.

Бубе очень нравился наш аквариум с двумя учёными карасиками. Мы его поставили на самом солнечном окне. Если постучать по стеклу пальцем, карасики выплывут и затыкаются носами в поверхность воды.

Карасики у нас особенные. Их поймал дедушка сапогом, когда работал в тайге с геологами. Он пере-

ходил озерко — оно высохло, остались только ямы жидкой грязи — и оступился в яму. Еле выбрался из неё. В голенище трепыхнулся кто-то живой. Он подумал, что змея. Затряс ногой — вместе с грязью из голенища выплеснулись два золотых карасика. Они стали жить в ведёрке, и геологи по очереди добывали для них червяков. А потом дедушка привёз их домой для Наташки. В самолёте они заболели и плавали в стеклянной банке кверху брюшками. Но дома быстро отошли и привыкли к аквариуму.

Наташка разрешила Бубе самому покормить карасиков. Он бросил им сразу десять червяков. Карасики испугались и спрятались в траву. Буба прижался лицом к стеклу так, что у него расплющивались нос и щёки. Он смеялся и даже повизгивал от восторга.

Потом они играли с Наташкой в троллейбус и пиратов и ни разу не поссорились.

— Пусть Буба ночует с нами, — попросила Наташка. — У нас ведь хорошо.

— Пусть, — вздохнул я.

Буба сказал, что рано спать не привык. Было уже темно, мы сидели на взгорье и смотрели на пруд. В тёмной воде дремала луна, такая же яркая и румяная, как на небе. И лягушки опять хрюкали, шлёпались и даже хрипели, как молодые петухи.

— Боюськи луну караулят? — шепнула мне Наташка.

— Наверное.

— Вот если бы вычерпнуть из пруда луну и посадить в наш аквариум... — размечталась она. — А в аквариуме она будет круглая или квадратная?

— Конечно, квадратная.

Я представил себе карасиков в румяной лунной воде и тихо засмеялся.

— Треугольная будет, — весело сказал Буба. Он стал загребать на дороге пыль босыми ногами. — Химики вы. Бабушкины сказки с картинками.

— И не сказки и не с картинками, — обиделась Наташка. — И всё равно мы её достанем.

— Как?

— Очень просто, — ответил я. — Ведром.

Наташка показала Бубе язык и заскакала на одной ножке:

— Ведром-дром-дром, ведром-дром-дром. А боюськи? — вдруг спросила она. — Они нас не тронут?

— Конечно. Они же маленькие и добрые. Сама увидишь.

Буба нерешительно хохотнул:

— Фантазёрники.

Наташка, напевая «ведром-дром-дром», ускакала к дому. Она принесла ведро и фонарик, и мы стали спускаться к пруду. Буба сперва шёл впереди, потом отстал. Наташка держалась за мой карман.

— Бойшься?

— Ни капельки, — ответила она дрожащим голосом.

Через луну в пруду проходили круги и покачивали её. Темнота стала гуще, а лягушки замяукали и закричали ещё отчаянней. И вдруг смолкли.

Мы стояли у самой воды. В кустах шевелились неслышные тени. Наташка не могла выдержать этой тишины и закричала:

— Чего вы молчите, эй!

Что-то зашуршало у её ног, она ойкнула и присела, накрывшись ведром. Я резко включил фонарик. В воду прыгнул лягушонок. И кругом сидели лягушки — на песке, на траве, на листьях кувшинок. Ослеплённые светом, они посыпались в воду.

— Смотри, какие они, наши боюськи.

Наташка продолжала вздрагивать:

— И правда — лягушки. А мы-то думали...

Буба поймал лягушонка. Надул его соломинкой и отпустил. Лягушонок не мог унырнуть и неловко за-плавал, соломенный хвост то всплывал, то погружался, как поплавоч.

— Зачем ты его так? — рассердилась Наташка.

— Я и другого надую. Много надую. Гору!

Он засмеялся и стал высматривать в тине лягушек.

— Тогда уходи — и всё. Мы не возьмём тебя спать в сарай.

— Не больно-то и хотелось!

Буба швырнул щепкой в луну. Край луны брызнул искрами, и от него разошлись круги.

— Почему ты, Буба, такой несносный? — спросил я.

— Потому.

Он упал на траву, стал дрыгать ногами и показывать нос:

— А луну вам не поймать, не поймать...

Я взял ведро и вошёл в воду, придумывая, что сказать, когда не зачерпнётся луна.

Вода была такой тёплой, как после дождя, ноги увязали в мягком иле. Я подвёл ведро под самый лунный диск и чуть приподнял. Луна колыхнулась в ведре, задевая края.

— Неси скорее! — закричала Наташка.

Я потянул ведро за собой. Луна покачивалась в пруду на прежнем месте.

— Не вычерпывается, — виновато сказал я.

Буба хохотал и приплясывал:

— И дурак знает, что луна в пруду и вовсе не настоящая.

— Дуракам, Буба, всегда кажется, что они всё на свете знают.

Я снова подвёл ведро под румяный диск, прикрыл его сверху майкой и завязал её концы.

И диск исчез — на настоящую луну наплыло облачко.

— Поймал! — закричал я во всё горло.

Мы быстро, не оглядываясь, побежали в гору. Буба семенил сзади и с недоумением поглядывал на пруд, где не было больше луны.

Мы поставили завязанное майкой ведро у двери сарая. И как ни хотелось Наташке в него заглянуть, я не позволил, сказал, что за ночь вся вода просветится луной и тогда мы перельём её в аквариум.

Когда мы легли спать, по крыше снова затопал Буба.

— А луна-то в пруду. Я вижу. На неё облака наплывали — вот её и не было.

Мы не отвечали.

— Придумает тоже — облака, — ворчала Наташка.

Она несколько раз подбегала к двери и смотрела в щёлку на ведро с нашей луной. Долго не могла уснуть, ворочалась и шепталась сама с собой, то вздыхая, то посмеиваясь.

Бубы не стало слышно — видимо, ушёл. Приснился мне всё тот же Буба — он сшибал из рогатки звёзды, складывая их в карман. Потом превратился в колючего зверька с розовыми ушками и хвостиком — такими Наташка рисовала боюсек. Зверёк стал раздуваться и обрастать рыжей шерстью. Он оскалился, хрюкнул и швырнул в меня вилок капусты. Вилочка на лету разбилась в мелкие брызги, и они плеснули мне в лицо. Я вскочил и увидел вытаращенные глаза Наташки. Она подбежала к двери и распахнула её. У нашего ведра сидел Буба и набирал из него воду ржавым велосипедным насосом.

— Что ты делаешь! — завизжала Наташка.

Он плеснул из насоса ей в глаза. Брызги вместе со слезинками потекли по её щекам, собираясь в крупные капли на подбородке и кончике носа.

Я выскочил из сарая. Буба, бросив насос, помчался к забору, хотел прошмыгнуть в дыру, но зацепился штаниной за гвоздь. Я поймал его за воротник. Он присел, подняв руки, вывернулся из куртки и нырнул в дыру. Я бросил куртку ему вдогонку и погрозил кулаком.

Наташка плакала. Воды в ведре не осталось. На траве была крупная роса, и я сказал, что это сверкают капельки нашей луны. И был немножко доволен: игра в сказку окончилась почти по-сказочному.

Наташка просила ещё раз сходить за луной. На моё счастье, к вечеру пошёл дождь, нас отчаянно промочило в сарае, и мы переселились в дом.

Утром, когда мы кормили карасиков, на другой стороне улицы появился Буба. Сел на крыльцо и стал гримасничать, изображая, как отбивают щеки в кассе магазина. Нажимал пальцем на глаза, как на кнопки, и, покрутив над ухом воображаемую ручку, выдёргивал язык — получите, мол, чек.

— Ему очень хочется, чтобы на него смотрели, как на клоуна в цирке, — сказал я. — А мы не будем смотреть.

Мы ушли на кухню и стали чистить картошку. Услышали, как Буба подобрался к окну, к карасикам.

— Между прочим, карасики не твои и можешь к ним не подходить! — крикнула Наташка.

— А то картошкой по лбу получишь, — подтвердил я.

Бубы не стало слышно. Потом что-то щёлкнуло в стену и подоконник — видимо, он стрелял из рогатки. Ну и пусть себе стреляет, не надо обращать внимания.

Буба опять запыхтел и завозился под окном.

Мы молча продолжали чистить картошку. Наташка не выдержала и заглянула в комнату. И вдруг ойкнула так, что я вздрогнул, выронив нож.

Буба сидел на подоконнике и пытался заткнуть пальцем дырку в нижнем углу аквариума. Вода стекала по окровавленному мизинцу на подоконник. Аквариум был почти пуст, карасики трепыхались, запутавшись в водорослях.

— Дострелялся!

Наташка заколотила кулачками по стриженной Бубиной макушке. Он втянул голову в плечи, но мизинец из дырки не выдернул.

Я бросил карасиков в банку с водой.

— Они не погибнут? — спросила Наташка.

— Не знаю. Вода в банке кипячёная.

— А им живая нужна?

— Живая.

Буба спрыгнул с подоконника, стоял на тротуаре и сосал окровавленный мизинец. Наташка кинула в него чайной ложкой и заплакала, обняв банку, как куклу.

Мне тоже было ужасно жалко карасиков. Ведь они у нас особенные. Однажды дедушка и его товарищи спасались в лодке от лесного пожара. Чёрный дым плыл над рекой, и в нём кружились искры и лоскутья пламени. Дедушка вспомнил, что оставил ведро с карасиками под скалой, где они ночевали. Их было трое в лодке, три геолога. Не раздумывая, они стали грести обратно. Огонь шуршал и гудел по всему берегу, с рычаньем, как живой, бросался на сосны, а вершины скал были закрыты дымом. На плечо дедушке упала горящая ветка, прожгла ватник и опалила щеку и волосы. Он успел тогда спасти карасиков, не дал им свариться в таёжном пожаре. А теперь они могли погибнуть из-за несносного мальчишки.

Я стал торопливо заделывать дырку пластилином и ругал Наташку за то, что она дружит с этим злюкой и драчуном, и грозился оторвать ему уши. Буба куда-то убежал. Наверное, перетрусил.

«Теперь он побоится нос на улицу высунуть», — подумал я и вдруг снова увидел Бубу. Он появился из-за угла, еле волоча тяжёлое ведро, перевязанное мокрой рубашкой. Не смог его донести до окна, поставил на тротуар и сам сел рядом. У него тряслись руки и даже уши блестели от пота.

— Живая вода? С луной? Из пруда? — вытаращила глаза Наташка.

— Какая днём луна, — буркнул он.

— Наверное, он солнышка зачерпнул, оно ещё лучше, — несмело сказал я.

Буба открыл от удивления рот, потом кивнул:

— Ага.

Я вылил воду в аквариум и пересадил туда карасиков. Они разевали рты, будто задыхались.

Наташка до позднего вечера не отходила от них. И утром, проснувшись чуть свет, бросилась к аквариуму. Раннее солнце пронзило воду и разбежалось в ней радугой. Карасики тыкались носами в радугу и шевелили губами. А под окном на завалинке, неудобно свернувшись, спал Буба-Набей-Баржу.

Калоша

Герку всегда ловили на «слабо».

— Слабо на четвереньках к доске выйти, — сказал ему Витька-вратарь.

Герка выпятил грудь:

— Мне? Слабо?

И когда его вызвал к доске учитель географии, встал на четвереньки и, потя от собственной храбрости, по-медвежьи заковылял между партами. Учитель попросил его той же походкой пройти к директору.